

его этапы отмечены в родословии как „335 лет по пренесении“ иконы, т. е. 1561 г., или „389 лет“, как те попы служили „непрерывно“, т. е. 1615 г. Однако после этого родословие „служителей“ Николы Заразского не продолжалось, хотя род Евстафия корсунского отнюдь не иссяк.¹ Объясняется это, несомненно, тем, что цикл повестей о Николе Заразском после середины XVI в. перестает вовсе развиваться как местный цикл и все решительнее вступает на путь общерусского развития. История текста повестей о Николе Заразском в XVII в. свидетельствует не об областном, местном, а об общерусском этапе его развития. Заключительная повесть цикла о Николе Заразском, так называемое „коломенское чудо“, относится к событиям 1522 (набег крымцев) — 1531 (построение каменной стены в Заразске) годов и связано также с иконою Николы Заразского и с действующими в этом цикле „служителями“ этой иконы. В дальнейшем события Смутного времени затронули и Заразск, и самый культ иконы Николы Заразского, и одного из „служителей“ этой иконы, но в цикле повестей о Николе они не отразились.² Перестав дополняться местными легендами, местными произведениями, цикл Николы Заразского в различных переработках начинает дифференцироваться по своему составу: в некоторых переработках выделяются лишь церковные части этого цикла, подвергающиеся дальнейшему оцерковлению, в других переработках выделяются по преимуществу воинские эпизоды, подвергающиеся сближению с национальным эпосом. Оторвавшись от своих „местных“ корней и перестав наращиваться дополнительными эпизодами и вставками, текст повестей в то же время обнаруживает в XVII в. удивительную живучесть в различной социальной среде, подвергается множеству переработок, переписывается в большом числе экземпляров и распространяется в различных областях. Он отражает типичную для XVII в. социальную дифференциацию литературы, а также дифференциацию ее на светскую и церковную, при которой одни и те же произведения в светской среде освобождались от элементов церковности, а в церковной среде становились еще

¹ „Вероятно, род их (служителей Николы. — Д. Л.) продолжался и после того, что видно из синодика Николорадовицкого монастыря (в 60 верстах от Зарайска), составленного в половине XVI в.: «Род протопопа Зарайскаго города Никиты Семёнова сына, через Иосифа схимника, протопопа Никиты, монаха Саватия Корсунского» (С. Бочарников. Зарайск. 1865, стр. 22—23, примеч. Ср. также: И. Добролюбов. Историко-статистическое описание церквей и монастырей Рязанской епархии, т. I. Зарайск, 1884, стр. 167. И. Добролюбов здесь же, между прочим, отмечает, что последний из перечисленных в родословии служителей — Иван — упомянут в документах под 1560 и 1578 г.). М. Баранович утверждает: „и теперь еще жители (Зарайска. — Д. Л.) показывают место, называемое Корсаковскою горою, где были его (рода священников корсунских. — Д. Л.) жилища“. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Рязанская губерния. Составил М. Баранович, СПб., 1860.

² К 1608 г. относится украшение иконы Василием Шуйским, к 1610 г. подвиги заразского протопопа Дмитрия вместе с Пожарским и т. д.